

Наталья Полякова

НА ИЗЛУЧИНЕ РУКИ

●

В той темноте, где ты меня оставил
без права на прощение, без правил,
жуком сухим в коробке из стекла,
я в ней — спала.

Я в ней спала и видела сады.
Не яблоки, но алые плоды
на ветках новым знанием разрастались,
взрывая завязь.

Взрывая завязь времени, мы жили
не в том саду, но в тополиной пыли,
в отцветшем, душном, городском чаду,
где я иду.

Где я иду, а ты уже летишь —
горячий воздух с раскаленных крыш —
проносишься, не мною не замечен.
И день засвечен.

И день засвечен, пленку отмотав, ты
вытащишь ее, как космонавта
из капсулы, вернувшейся назад
сквозь мрак и чад.

Сквозь мрак и чад не виден млечный путь,
но если ручку двери повернуть,
сочится свет, а если дверью хлопнуть —
ночная копоть.

Ночная копоть, нам ее копать и
снимать ее, как траурное платье,
и дальше жить в невинной нагоде,
как ты хотел.

●

обнимаешь а смотришь мимо
лежим почти старики
мне уснуть необходимо
на излучине руки

скрипнула и приоткрылась дверца
выпали носки
четыре года живу без сердца
думаешь пустяки

в жизни моей от природы женской
что-то делается по-мужски
свет блуждает за занавеской
мечутся мотыльки

паутина попала в полоску света
нити ее тонки
ночи прохладные на исходе лета —
не отнимай руки

●

Мы жили в съемном тонкостенном доме.
Окраина, но близко от метро.
И не было вещей своих здесь, кроме
дивана и старинного бюро.
То сквозняки, а то затопят сверху —
по кольцам годовым на потолке
о будущем гадали. На поверку —
сбывалось все. Мы жили налегке.

Но вещный мир делился без остатка,
и этим был подточен изнутри.
Чини свой скарб развинченный и шаткий,
тряпье худое на просвет смотри.
Пока мы зимовали, жили-были,
простая жизнь открылась без прикрас.
Обрушились и дом заплонили
чужие звуки, изменяя нас.

●

К тридцати понимаешь: не тех гнала и не тех любила.
Что с тобою кончено, с тобой уже все решилось.
Оттого лежишь ты раскрытая, как могила,
и напрасная, как взятая Троя, сожженный Пилос.

К тридцати принимаешь свой быт, он пропах табаком,
сыростью, пивом. И запах до пошлого стойкий.
А хочешь — как в детстве — мандаринами и молоком
в треугольных пакетах времен перестройки.

А хочешь, а хочешь... однажды вернуться назад,
где яблокопад барабанил, скрипели косые качели...
В тридцати километрах от МКАДа ждет брошенный сад,
там антоновки рано спели.

●

День по-февральски одинок и ветрен,
с другими днями он ничем не скреплен.
Темнеющий. Как страшен пустотой.
Он мне — прощай, а я ему — постой.

Повремени, пока я не уснула.
Овидия возьму или Катулла,
читаю на забытом языке.
Плывут слова, как льдинки по реке.